

Консерватизм как иммунная система современности

В.Н. Лексин, доктор экономических наук

Тема «консерватизм и современность» удобна для дискуссии и неудобна для выводов. Что хотели бы получить *в итоге* размышляющие об этом предмете: еще один набор бездоказательных дефиниций (при этом каждый, как правило, останется при исходном мнении) или некую конструктивную идею, способную более ясно представить суть нашей новой действительности? В чем смысл рассуждений о «консерватизме» и «современности» за пределами этих *изолировано* рассматриваемых понятий? Мне представляется, что такое конструктивное начало все же существует, и оно сформулировано в заключительных словах Михаила Ремизова о миссии консерватизма, «достаточно успешной для того, чтобы он мог признать за собой соавторство в формировании современного мира». И я хотел бы добавить к этому несколько поддерживающих соображений.

Прежде всего я предлагаю обратить внимание на фатальное соединение в обыденном сознании «консервативного» с *плохим* отжившим и «современного» — с паттерном всего *хорошего*. Большинство людей полагают, что чувства и мысли человека, его поведение и вкусы, жилье и одежда, семья и отношения с людьми должны быть, в первую очередь, «современными»: это — «знак качества» и залог жизненного успеха. Соответственно, антиподом современности и причиной многих жизненных неудач считается все снисходительно называемое «консервативным» или попросту «устаревшим». И это очень серьезно, поскольку позитивное отношение к *современному* как к *должному* распространяется не только на частных людей, и оценки «современный» или «консервативный» взамен разумных доводов часто становятся основаниями для принятия решений с далеко идущими последствиями. Поэтому, например, «консервативные» государственный подход, патриотизм или

защита Отечества заранее проигрывают «современным» идеям защиты человека от государства, наднациональной идентификации личности, опережающей демилитаризации и т. п.

Следует отметить и то, что «консерватизм» не есть изобретение политической философии, связанное с именем Э. Берка, увидевшего во Французской революции посприятие цивилизационных устоев прошлого в связи с забвением религиозных оснований гражданского общества, с тотальным отказом от ценностных устоев дореволюционной Европы, с заменой опыта новейшими бессмысленными теориями, с переносом борьбы со злом внутри человека на зло внутри общественного устройства, с идеей не улучшения, а разрушения этого устройства, с демагогическими представлениями о всеобщем равенстве и т. п.³ Было бы неверно считать эти антиреволюционные размышления *сутью* консерватизма, который, по моему мнению, есть интуитивно угадываемое, философски осмысливаемое и публицистически выражаемое *предупреждение* об оборотной стороне радостей «современности»; консерватизм есть порицание гипертрофии прежних пороков и их новых разновидностей. И только поэтому консервативные идеи обнаруживаются во всей письменно зафиксированной истории политической философии — со времен античности до наших дней.

В последние десятилетия западноевропейская консервативная идеология старательно присоединяет к себе приставку «нео» (что-то подобное происходит и с идеологией либерализма) и своеобразно «осовременивается». Этому немало способствовало ощущение морального кризиса постиндустриального общества и доведенной до абсурда девальвации прежних ценностей; «современность» в очередной раз спровоцировала актуализацию консервативных идеалов. Неоконсервативная идеология пытается найти новый баланс между интересами свободной личности и призванного ее защищать государства, между индивидуальным и коллективным, между

³ Бёрк Э. Размышления о революции во Франции. М., 1992.

глобализмом и этноцентризмом. В начале 80-х гг. прошлого века М. Тэтчер приветствовала «неоконсервативный интернационал как великое средоточие мысли и духа»⁴, при том что в этом «интернационале» уживались такие разные течения, как французский голлизм, немецкий социал-консерватизм, английский торизм; и только в России того времени неоконсерватизм не нашел последовательных адептов.

В политической философии консерватизм обычно рассматривается как альтернатива «современности», а последняя ассоциируется с понятиями социально ориентированного капитализма и рационально организованной бюрократии, представительной демократии и информационного общества, секуляризации и деидеологизации, культа успешности и конкуренции, самодостаточности абсолютно свободной личности и уважения к правилам общественного правопорядка.

Определяя «современность» как понятие философии культуры и политической теории, Б.Г. Капустин⁵ пишет, что она обозначает «проблемную ситуацию, в которой оказываются общества вследствие подрыва и распада того строя высших ценностей, которые ранее легитимировали их порядки, обеспечивали осмысленность общей «картины мира» у членов этих обществ и воспринимались ими в качестве высшей и объективной «онтологической» реальности (представляемой мифологически, религиозно, в виде универсальных моральных «законов природы» или иначе)». Сопоставляя наше общество с тем, что существовало в «современности Нового времени», автор проницательно замечает, что «уникальность сегодняшней современности определяется невозможностью преодоления распада прежнего строя ценностей путем нового «ухода в трансценденцию», более «истинную» и «глубокую», чем прежняя (как

⁴ Речь шла о Международном демократическом союзе консерваторов США, Австралии, Японии и ряда западноевропейских стран.

⁵ Капустин Б.Г. Современность. В кн. «Новая философская энциклопедия», М., 2010, с. 587-588. См. также Капустин Б.Г. Современность как предмет политической философии. М., 1998.

это имело место, например, при замене античной языческой «картины мира» христианской»). И далее: «современность — не «стадия» всемирной истории, наступление которой обусловлено ее «железными законами». Она — великое событие, происшедшее вследствие стечения некоторых обстоятельств первоначально в определенном месте и в определенное время, но позднее втянувшее в себя практически все человечество, вынужденное (часто против воли) так или иначе реагировать на него. Она продолжает жить по «законам жанра» событий, а не развертывающихся научных сущностей, провиденциальных планов или предначертанных фортуной циклов. Именно в этом смысле в ней все «случайно», все зависит от «стечения обстоятельств», воли и борений людей».

Такое представление о «современности» провоцирует и представление о консерватизме как *временной реакции* на сиюминутные вызовы современности. Но *консерватизм не вторичен*: это самостоятельное и постоянное мировоззрение и мироощущение интеллектуалов, видящих в «прогнесе» не только очередную победу разума, но и негативные последствия использования плодов этой победы. Выражение «консерватизм — реакция на современность» столь же нелогично как «торможение — реакция на скорость»: тормозят не потому, что не хотят ехать быстро, а потому что скорость в данный момент и в данном пространстве (пешеходный переход или ухабистая дорога) становится опасной. Но для торможения в наступившей рискованной ситуации нужны заранее придуманные и установленные тормоза, нужна конструктивная идеология осторожности и минимизации риска.

Консерватизм нашего времени призывает прежде всего к *осмысленности* нововведений, к всестороннему *обоснованию* их необходимости, к *предвидению* их системных эффектов — позитивных и негативных. Консерватизм отстаивает только неизменные ценности прошлого и не принимает в современности только то, что угрожает таким ценностям или не создает им адекватной (по целям и сути) замены.

Консервативен ли Фрейд, горевавший по поводу загубленного современностью подсознания? Консервативен ли Фуко, противопоставлявший идеал позднеантичного «человека вожделеющего» малоинтересному познающе-познаваемому современнику? Консервативны ли Замятин и Оруэлл, Голдинг и Бредбери, Чапек и Платонов, не принимавшие подлинные (и сущностные) атрибуты «современности» и противопоставлявшие им прежние ценности бытия? Можно ли считать консерваторами Бердяева, Булгакова, Гершензона, Изгоева, Кистяковского, Струве и Франка — «реакционных», «черносотенных» и т. п. авторов «Вех», предостерегавших от бездумного соскальзывания в пучину радикальной ломки всего и вся? Консервативны ли новейший католический «Компендиум социального учения Церкви» и «Основы социальной концепции Русской православной церкви»? Почему консервативные, по существу, идеи становятся ключевыми мотивациями перехода одной современности в другую?

Вопросы можно продолжать до бесконечности, но ответы на них будут корректными только в том случае, если сам вопрошающий задумается над тем, что станет с «современностью без тормозов» (и со всеми «современниками») в ближайшем историческом завтра. Консерватизм — естественная иммунная система любой современности.

Консерватизм как социальное явление в постмодерне

В.Л. Римский

Мне кажется логичным внести в наше обсуждение еще один аспект, который пока не звучал. Большая часть сегодняшнего дискурса относилась к социальной философии.